

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией на универсальном уровне

А.Ю. ПИДЖАКОВ – заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Ю.В. МИШАЛЬЧЕНКО – генеральный советник Экономического суда СНГ, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор

В статье значительное внимание уделяется деятельности ООН по борьбе с коррупцией. Делается акцент на анализе Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., резолюции Организации Объединенных Наций «Коррупция против чиновников» и других документов, принятых данной международной организацией в этом направлении.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; коррупция; конвенция; резолюция; международный договор; публичное должностное лицо; международное сотрудничество.

International legal regulation of fight against corruption at universal level

A.U. PIDZHAKOV – Chief of the International Law Department at St. Petersburg State University of Civil Aviation, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Honorary Higher Education Worker of the Russian Federation, Professor, Dr. of International Law, Dr. of Historical Science, Professor;

Y.V. MISHALCHENKO – General Adviser of the CIS Economic Court, he professor of chair of the European researches of St.-Petersburg state university, Professor, Dr. of International Law, Dr. of International Economics

The article highlights the UNO anticorruption activity. The emphasis is on the analysis of the UNO Anticorruption Convention, 2003; the UNO resolution “Corruption versus public officers”, and others.

Key words: the United Nations Organization; corruption; convention; resolution; international treaty; public officer; international cooperation.

Значительное внимание проблеме коррупции уделяет Организация Объединенных Наций. В поле зрения ООН проблема корруп-

ции находится уже более трех десятилетий. Об актуальности этой темы и необходимости противостояния коррупции упоминается

еще в материалах V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1975). В дальнейшем на форумах ООН данная проблема обсуждалась неоднократно¹. В то же время коррупция рассматривалась в документах тех лет как проблема национальная, во многом зависящая от культурных особенностей и традиций той или иной страны. Понимание международного, глобального характера феномена коррупции пришло несколько позже, с интенсификацией интеграционных процессов в мировой экономике.

Реагируя на проблемы, которые вызывает коррупция, ООН принимает соответствующие документы в этой сфере. В резолюции VIII Конгресса ООН (Гавана, 1990) «Коррупция в сфере государственного управления» отмечалось, что «проблемы коррупции в государственной администрации носят всеобщий характер и что, хотя они оказывают особенно пагубное влияние на страны с уязвимой экономикой, это влияние ощущается во всем мире»². В 1996 г. появилась резолюция «Борьба с коррупцией», которая призвала внимательно рассмотреть проблемы, связанные с международными аспектами коррупции, особенно в отношении международной экономической деятельности, осуществляемой корпоративными организациями. В этой связи также известна декларация ООН «О борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях» 1996 г.³ В рамках ООН был принят «Международный кодекс поведения государственных должностных лиц» (приложение к резолюции 1996 г.), который предусматривает принципы деятельности государственных должностных лиц⁴. Многие важные вопросы борьбы с коррупцией затрагивались на Восьмой международной конференции по борьбе с коррупцией, состоявшейся в Лиме с 7 по 11 сентября 1997 г., где была принята Декларация о борьбе с коррупцией. Проблема коррупции являлась предметом рассмотрения X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшегося в Вене с 10 по 17 апреля 2000 г. Этот вопрос поднимался на первом и втором глобальных форумах по борьбе с коррупцией, состоявшихся в Вашингтоне в 1999 и 2001 гг.⁵

Таким образом, ООН признала международный характер проблемы коррупции и пытается найти общеприемлемые формы и методы борьбы с этим явлением. Важно отметить при этом, что, с одной стороны, все вышеперечисленные документы носят рекомендательный характер и фактически

не влияют на решение проблемы, с другой – они играют важную роль в формировании норм международного права относительно рассматриваемого вопроса, а также способны влиять на нормы внутреннего права государств.

Особое внимание противодействию этому общественно опасному явлению уделяется в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.⁶ Конвенция вступила в силу 29 сентября 2003 г., Россия подписала ее в 2000 г., а ратифицировала в 2004 г.⁷

Конвенция явилась ответным шагом мирового сообщества на глобализацию организованной преступности и коррупции. Данный документ охватывает широкий спектр проблем, в том числе и коррупцию как преступление, имеющее транснациональное значение. На стадии обсуждения специальный комитет поднимал вопрос о том, должна ли конвенция затрагивать проблему коррупции. Возобладало мнение, согласно которому, хотя вопрос о коррупции ввиду его особой сложности и широты невозможно охватить в конвенции, касающейся транснациональной организованной преступности, однако этот документ был бы неполон без исходных положений о коррупции, поскольку коррупция является как преступной деятельностью, часто осуществляемой организованными преступными группами, так и методом, используемым этими группами для совершения других преступных деяний. В связи с этим было принято решение о включении в конвенцию лишь ряда положений по коррупции с учетом того, что для охвата этой проблемы будет рассмотрена возможность разработки отдельного документа против коррупции⁸.

Таким образом, в ходе работы над Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности впервые возник вопрос о разработке проекта Конвенции против коррупции. В своей резолюции 55/61 от 4 декабря 2000 г.⁹ Генеральная Ассамблея ООН признала целесообразность разработки эффективного международно-правового документа против коррупции, независимого от Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, и постановила учредить специальный комитет по разработке такого документа в Вене в штаб-квартире Центра по международному предупреждению преступности Управления по контролю над наркотиками и предупреждению преступности. В этой же резолюции Генеральная Ассамблея просила специальный комитет при разработке проекта конвенции

применять всеобъемлющий и многодисциплинарный подход¹⁰.

Работа специального комитета была начата в январе 2002 г. Всего было проведено семь его сессий. При обсуждении проекта конвенции на сессиях постоянного комитета наибольшие дискуссии вызвали следующие вопросы:

1. Определение «публичного должностного лица». Обсуждение велось вокруг вопросов о том, насколько широким должно быть такое определение и должна ли конвенция содержать свое «автономное» определение или же данное понятие должно быть определено исключительно национальным правом.

2. Определение понятия «коррупция». В результате дискуссии возобладала точка зрения о том, что конвенция не должна предлагать свое определение, а содержать отсылку к перечню подлежащих криминализации деяний.

3. Вопрос о том, должна ли конвенция охватывать коррупцию в частном секторе. Большинство государств решительно высказались в поддержку того, чтобы конвенция охватывала коррупцию в частном секторе. По мнению ряда других государств, этот вопрос является очень сложным и сопряжен со множеством концептуальных, правовых и процессуальных проблем, для которых, возможно, не имеется общеприемлемых решений.

4. Вопрос о том, насколько широкими и обязательными должны быть положения, касающиеся предупреждения коррупции. Большинство участников переговоров единодушно высказались за включение в текст конвенции обширных положений о предупреждении коррупции, что нашло отражение в окончательном варианте проекта¹¹.

Решением седьмой сессии постоянного комитета 1 октября 2003 г. согласованный текст был направлен на утверждение Генеральной Ассамблее ООН. Более 130 стран участвовали в двухлетних переговорах по Конвенции ООН против коррупции, которая вступила в силу в декабре 2005 г.

Структура новой конвенции традиционна для международных документов подобного рода. Она состоит из преамбулы и восьми разделов (глав), каждый из которых посвящен самостоятельным аспектам борьбы с коррупцией. Для более точного восприятия содержания новой конвенции и основных ее концептуальных положений лучше всего начать ее рассмотрение с конкретных глав.

Первая глава названа «Общие положения» и включает в себя нормы, раскрываю-

щие цели конвенции, а также довольно объемный понятийный аппарат.

Так, общей целью определено предупреждение и искоренение коррупции путем укрепления международного сотрудничества и оказания государствам-членам технической помощи в этой сфере¹².

Согласно ст. 3 конвенция применяется «к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию за коррупцию и к приостановлению операций (замораживанию), аресту, конфискации и возвращению доходов от преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией»¹³. Таким образом, можно выделить три основные сферы применения конвенции: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и криминологическую-профилактическую.

Как это и положено в международных документах подобного уровня, центральное место в нем должна была занять дефиниция понятия «коррупция». Вокруг данного определения велись наиболее ожесточенные споры. Эксперт от Франции, например, заявил, что предложенное толкование носит явно догматический характер, не учитывает особенностей национального языка и перевода. С этим аргументом трудно не согласиться. Так, если в английском варианте под коррупцией понимается мздоимство, то французы ассоциируют данное явление со взяточничеством либо подкупом¹⁴. В итоге было принято решение не вводить указанное понятие в текст конвенции.

Вторая глава названа «Меры по предупреждению коррупции», она занимает в документе центральное место. Здесь впервые на столь высоком международном уровне была сделана попытка определить существо и содержание политики предупреждения и противодействия коррупции. В отличие от набора отдельных мер, направленных против преступления данного вида, политика предупреждения и противодействия коррупции подразумевает активное государственное участие и является более точным и всеобъемлющим инструментом в борьбе с этим общественно опасным явлением. Данная политика строится с учетом оптимальных видов практики, направленных на предупреждение коррупции и возможности поддержания стандартов публичного аудита.

Вопросам криминализации коррупционных деяний и правоохранительной деятельности посвящена гл. 3 конвенции. Как уже отмечалось, именно перечень подлежащих криминализации деяний определяет понимание коррупции в настоящем документе.

Понятие подкупа должностных лиц (конвенция предусматривает криминализацию подкупа национальных, иностранных и международных публичных должностных лиц – ст. 15, 16 конвенции) в целом схоже с определением, предлагаемым Конвенцией Совета Европы. Согласно Конвенции ООН в понятие подкупа входят обещание, предложение или предоставление неправомерного преимущества должностному лицу (активный подкуп) и принятие или вымогательство такого преимущества таким лицом (пассивный подкуп)¹⁵. Отметим, что в отличие от Конвенции Совета Европы сами термины «активный подкуп» и «пассивный подкуп» конвенция не использует.

Предотвращению конфликта интересов служат положения конвенции о порядке принятия и издания кодекса поведения публичных должностных лиц (стандартов поведения). Отдельные основополагающие принципы таких стандартов должны учитываться странами-участницами при разработке своего законодательства. Давая в целом широкое определение публичного должностного лица, включающее категорию служащих государственных предприятий, документ содержит отсылку к национальному законодательству.

Конвенция предусматривает криминализацию подкупа в частном секторе (ст. 21). Отличие от «публичного» подкупа состоит в том, что незаконное преимущество предоставляется частному управленцу за действие (бездействие) в нарушение своих обязанностей. В случае же подкупа публичного должностного лица оно действует «при выполнении должностных обязанностей».

Помимо деяний, связанных с подкупом, конвенция предусматривает криминализацию еще ряда деяний.

К их числу относится хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом. Согласно ст. 17 конвенции подлежат криминализации «неправомерное присвоение или иное нецелевое использование публичным должностным лицом в целях извлечения выгоды для себя самого или другого физического или юридического лица кого-либо имущества, публичных или частных средств, или ценных бумаг, или любого другого ценного предмета, находящихся в ведении этого публичного должностного лица в силу его служебного положения»¹⁶. Отметим, что помещение данной статьи в главу о криминализации диктуется, на наш взгляд, не тем, что эти деяния не охвачены

уголовным законом (представляется, что нет уголовного законодательства, которое бы не предусматривало должностных хищений в качестве преступлений), а тем соображением, что должностные хищения должны быть отнесены к перечню коррупционных преступлений и на них должны распространяться иные положения конвенции и национального антикоррупционного законодательства. Хищение имущества в частном секторе конвенцией также криминализируется (ст. 22)¹⁷.

Злоупотребление служебным положением предусмотрено в качестве коррупционного преступления согласно ст. 19: «Каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, злоупотребление служебными полномочиями или служебным положением, т.е. совершение какого-либо действия или бездействия, в нарушение законодательства, публичным должностным лицом при выполнении своих функций с целью получения какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или иного физического или юридического лица»¹⁸. Таким образом, в числе коррупционных преступлений конвенция называет «классическое» служебное корыстное преступление, не связанное с подкупом. Тем самым она использует широкий подход к перечню коррупционных преступлений, включающих не только подкуп, но и иные служебные злоупотребления.

Понятие злоупотребления в корыстных целях (ст. 18) полностью воспроизводит соответствующее положение Конвенции Совета Европы.

Существенной спецификой обладает преступление, предусмотренное ст. 20 – незаконное обогащение. Под таковым конвенция понимает «значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»¹⁹.

Относительно включения данной нормы в текст документа в ходе работы специального комитета по разработке конвенции развернулась оживленная дискуссия. Делегации Российской Федерации, государств-членов Европейского Союза и других стран выразили настоятельное желание исключить эту статью²⁰. В документации специального комитета отсутствует какое-либо обоснова-

ние такой отрицательной позиции. Думается, она была вызвана тем обстоятельством, что подобная норма не вполне согласуется с положениями о презумпции невиновности и вводит в уголовное право элементы объективного вменения. Отметим, что, подобно другим нормам, конвенция предполагает умышленный характер деяния («когда оно совершается умышленно»). В данном случае непонятно, по отношению к какому деянию должна устанавливаться вина в форме умысла, так как «значительное увеличение активов» является не действием (бездействием) лица, а его последствием. Действие (бездействие) презюмируется и не требует доказывания, что противоречит положению классического уголовного права об ответственности лица только за свои виновные действия (бездействие)²¹.

Тем не менее эта норма была включена в окончательный текст конвенции. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что имплементация данного положения в национальном уголовном законодательстве целого ряда государств (главным образом континентальной системы права) вызовет значительные трудности, поскольку потребует пересмотра фундаментальных положений уголовного и уголовно-процессуального права.

Конвенция предписывает государствам-участникам предусмотреть в национальном законодательстве ответственность за отмывание доходов от коррупции, сокрытие соответствующих преступлений, а также за соучастие в коррупционных преступлениях и неоконченную преступную деятельность (ст. 23, 24, 27).

Подобно другим антикоррупционным международным документам, конвенция содержит норму об ответственности юридических лиц. Согласно ст. 26 государства-участники принимают законодательные и иные меры для установления ответственности юридических лиц за участие в коррупционных преступлениях. Ответственность юридических лиц с учетом особенностей национального права может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Каждое государство-участник согласно данной статье обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции.

В документе содержатся определенные рекомендации относительно пенализации

коррупционных преступлений и наказательной политики государств по отношению к коррупционерам. В ст. 30 говорится, что «каждое Государство-участник за совершение какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, предусматривает применение таких уголовных санкций, которые учитывают степень опасности этого преступления»²².

В статье также содержится рекомендация о максимально возможном ограничении иммунитетов от уголовного преследования за коррупционные преступления. Отдельно в п. 5 ст. 30 рекомендуется назначать виновным в коррупционных преступлениях с учетом степени опасности деяния наказание в виде лишения права на определенный срок занимать публичную должность или занимать должность в каком-либо предприятии, полностью или частично находящемся в собственности государства. Сроки давности по преступлениям, предусмотренным в конвенции, должны быть «длительными» (ст. 29)²³.

Каждое государство-участник обеспечивает в соответствии со ст. 36 наличие органа (органов) или лиц, специализирующихся на борьбе с коррупцией с помощью правоохранительных мер. Такому органу (органам) или лицам обеспечивается необходимая самостоятельность в соответствии с основополагающими принципами правовой системы государства-участника с тем, чтобы они могли выполнять свои функции эффективно и без какого-либо ненадлежащего влияния. Такие лица или сотрудники такого органа (органов) должны обладать надлежащей квалификацией и ресурсами для выполнения своих задач.

Детально проработаны в конвенции вопросы юрисдикции. Она устанавливает четыре юрисдикционных принципа: территориальный, гражданства, реальный и универсальный.

Анализ положений конвенции показывает, что в документе не предусмотрен принцип «двойной криминальности», то есть для установления национальной юрисдикции в отношении предусмотренного конвенцией коррупционного преступления не требуется, чтобы оно было предусмотрено в уголовном законодательстве государства, где такое преступление было совершено. Кроме того, в положениях о выдаче указывается, что государство-участник, законодательство которого допускает это, может разрешить выдачу какого-либо лица в связи с любым из преступлений, охватываемых конвенцией, которые не являются уголовно наказуемыми

согласно его собственному внутреннему законодательству (п. 2 ст. 44).

Четвертая глава конвенции посвящена вопросам международного сотрудничества. Помимо организации экстрадиции, конвенция обязывает стороны сотрудничать в решении о таких вопросах, как содействие расследованию дел о коррупционных преступлениях, включая истребование доказательств, передачу осужденных лиц по гражданско-правовым и административно-правовым делам, связанным с коррупцией. Конвенция может рассматриваться государствами-участниками как правовая основа для такого сотрудничества, даже при условии отсутствия между ними договоров о взаимной правовой помощи.

Возвращение активов представляет собой основополагающий принцип рассматриваемой конвенции. Ввиду особой важности нормы о сотрудничестве в вопросах конфискации и возвращения активов помещены отдельно – в гл. 5. Конвенция предписывает сторонам предпринять меры по предупреждению перевода активов путем ужесточения банковского контроля за подозрительными сделками и счетами, а также устанавливает правила по непосредственному взаимодействию государств в вопросах конфискации и возвращения активов²⁴.

Заключительные положения конвенции посвящены вопросам ее вступления в силу и осуществления государствами ее положений. Согласно ст. 65 каждое государство-участник принимает в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства необходимые меры, включая законодательные и административные, для обеспечения осуществления своих обязательств согласно конвенции. В статье также указывается, что государство-участник может принимать и более строгие или суровые меры, чем те, что предусмотрены конвенцией, для предупреждения коррупции и борьбы с ней²⁵.

Принятая 31 октября 2003 г. Конвенция ООН против коррупции была подписана представителями государств на конференции высокого уровня в Мериде (Мексика) 9–11 декабря 2003 г. Конвенцию подписали 97 государств, включая Российскую Федерацию. Россия ратифицировала конвенцию в 2006 г.²⁶ Документ открыт для подписания в центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке²⁷.

Анализируя окончательный, утвержденный Генеральной Ассамблеей и подписанный государствами-участниками текст

конвенции, следует отметить его основательность, фундаментальность. В целом конвенция отвечает задачам эффективного глобального противодействия коррупции и ее транснациональным формам на современном этапе. Заслуживает высокой оценки положенный разработчиками в основу конвенции широкий взгляд на коррупцию, нашедший, в частности, отражение в обширном перечне деяний, подлежащих криминализации. В конвенции отражена высокая общественная опасность коррупции в частном секторе, а также транснациональной и международной коррупции. Отличаются выверенностью и четкостью положения о взаимной правовой помощи, в частности в вопросах экстрадиции. В документе четко обозначен акцент на меры по предупреждению коррупции, являющиеся приоритетными по отношению к уголовно-правовым средствам борьбы с данным явлением.

Соглашаясь с основными положениями конвенции, изложенными выше, и поддерживая лежащее в ее основе позитивное начало, выскажем в то же время ряд замечаний.

Прежде всего, думается, недостаточно проработан вопрос о контроле за выполнением государствами положений конвенции и об ответственности за их нарушение. Глава 7 «Механизмы осуществления» содержит всего две статьи, посвященные конференции государств-участников и секретариату (сугубо техническому органу). В полномочия конференции действительно входит заслушивание информации государств-участников о выполнении конвенции, однако данное полномочие не обеспечено какими-либо четкими обязательствами со стороны государств-участников. К тому же сомнительна эффективность ежегодного заслушивания стандартных отчетов официальных лиц о мерах борьбы с коррупцией. Какая-либо независимая оценка и контроль за проведением антикоррупционных мероприятий со стороны международного сообщества в конвенции не предусматриваются. В тексте говорится лишь о том, что «могут быть рассмотрены также материалы, полученные от соответствующих неправительственных организаций, надлежащим образом аккредитованных в соответствии с процедурами, которые будут определены решением Конференции государств-участников»²⁸. Отметим, что согласно п. 7 ст. 63 «Конференция государств-участников, если она сочтет это необходимым, учреждает любой соответствующий механизм или орган для со-

действия эффективно осуществлению Конвенции»²⁹. Данное положение, на наш взгляд, делает перспективы антикоррупционного мониторинга в рамках контроля за выполнением конвенции весьма туманными. Учитывая количество государств-участников конвенции, нахождение консенсуса по столь сложным вопросам в рамках ежегодной конференции, а главное принятие эффективных решений представляется маловероятным.

Безусловно, существует опасность того, что под предлогом борьбы с коррупцией будет осуществляться вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Тем не менее защита суверенитета (о такой говорит и сама конвенция в ст. 4) не должна являться щитом для коррумпированных режимов от международно-правовой ответственности. Как представляется, ущерб, наносимый системной коррупцией в ряде стран мировому сообществу, не намного меньше того, который причиняется государствами, потворствующими терроризму (в Афганистане и Ираке это, как известно, привело к военным интервенциям). Отметим, что принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) является одним из основополагающих в международном праве. Без эффективных механизмов контроля и ответственности реализация данного принципа невозможна.

Спорными, на наш взгляд, являются и некоторые положения о криминализации коррупционных деяний. Особые замечания вызывают положения ст. 20 «Незаконное обогащение». Незаконное обогащение в том виде, в котором оно сформулировано в конвенции, невозможно криминализировать при условии соблюдения основополагающих принципов конституционного и уголовного права и процесса не только Российской Федерации, но и большинства государств континентальной системы права³⁰. Необходимо признать, что данная норма является «гибкой», поскольку это положение применяется при «условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы»³¹. Однако не вполне понятно,

по какой причине столь спорное положение нашло закрепление в тексте конвенции. На наш взгляд, более уместным было бы указание в конвенции на возможность применения мер против незаконного обогащения в рамках гражданско-правовых процедур.

Для целей любого нормативного акта ключевое значение имеет применяемая терминология, при помощи которой передается его точный смысл и содержание. Однако, на наш взгляд, текст конвенции содержит нечеткие формулировки и обязательства, что создает реальную возможность для оказания политического давления, завуалированного вмешательства во внутренние дела государств под предлогом борьбы с коррупцией.

В частности, в конвенции есть такие нечеткие формулировки, как «государства-участники стремятся» (ст. 5, 7, 8), «в пределах своих возможностей» (ст. 13), «могут рассматривать» (ст. 34), «может принять» (ст. 27). Подобная терминология говорит о декларативности содержания конвенции, поскольку не накладывает обязательства, а выражает лишь волю, намерение. Это позволяет игнорировать отдельные положения конвенции, оставить их применение на усмотрение сторон и неизбежно приведет к двойным стандартам, что представляется неприемлемым для целей данной конвенции.

Несмотря на отмеченные спорные и неудачные положения, неизбежные в столь объемном международном документе, в целом Конвенцию ООН против коррупции в ее окончательном варианте следует охарактеризовать с самой положительной стороны. Ее принятие знаменует собой принципиально новый этап в глобальном противодействии коррупции. Ратифицированные ранее международные документы в данной сфере имели либо региональное (конвенции ОАГ и Совета Европы), либо иное, сугубо ограниченное, применение (Конвенция ОЭСР). С принятием Конвенции ООН мировое сообщество получило первый антикоррупционный документ глобального значения, способный стать эффективным инструментом международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Карпович О.Г. Анализ современных международных подходов к борьбе с коррупцией // Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 38.

² Цит. по: Ашавский Б. Организация Объединенных Наций против коррупции // Чистые руки. 1999. № 1. С. 88.

³ См.: Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. М., 2009. С. 122–125.

⁴ См.: Там же. С. 126–128.

¹ См.: Karpovich O.G. Analiz sovremennyh mezhdunarodnyh podhodov k bor'be s korrupciej // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 38.

² Cit. po: Ashavskij B. Organizacija Ob#edinennyh Nacij protiv korrupcii // Chistye ruki. 1999. № 1. S. 88.

³ См.: Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov: Sb. dokumentov / Sost. V.S. Ovchinskij. M., 2009. S. 122–125.

⁴ См.: Там же. S. 126–128.

⁵ См.: Ромашев Ю.С. Международное правоохранительное право. М., 2010. С. 171.

⁶ См.: Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 7–45.

⁷ См.: Федеральный закон от 26 апреля 2004 № 26-ФЗ «О ратификации конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Российская газета. 2004. 29 апр.

⁸ См.: Влассис Д. Разработка проекта конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции // Форум по проблемам преступности и безопасности общества. Т. 2. № 1. Нью-Йорк, 2002. С. 171.

⁹ См.: Ромашев Ю.С. Международно-правовые основы борьбы с преступностью: В 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 117.

¹⁰ См.: Документы ООН. A/RES/55/61. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/563/07/PDF/N0056307.pdf?OpenElement>

¹¹ См.: Влассис Д. Разработка проекта конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. С. 174.

¹² Подробнее см.: Ромашев Ю.С. Международно-правовые основы борьбы с преступностью. С. 117–152.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ См.: Российская юстиция. 2004. № 4. С. 15.

¹⁵ См.: Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 59.

¹⁶ Там же. М. С. 60.

¹⁷ См.: Там же. С. 62.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Документы ООН. A/AC.261/3/Rev. <http://www.un.org/terrorism/pdfs/3/G0316422.pdf>

²¹ См.: Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 40.

²² Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 65.

²³ См.: Там же.

²⁴ См.: Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 42.

²⁵ См.: Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 100.

²⁶ См.: Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации конвенции организации Объединенных Наций против коррупции» // Российская газета. 2006. 21 марта.

²⁷ См.: Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 43.

²⁸ Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. С. 100.

²⁹ Там же.

³⁰ Подробнее об этом см.: Богущ Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 123–124.

³¹ См.: Международное публичное и частное право. 2008. № 3 (42). С. 43.

⁵ Sm.: Romashev Ju.S. Mezhdunarodnoe pravoohranitel'noe pravo. M., 2010. S. 171.

⁶ Sm.: Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 7–45.

⁷ Sm.: Federal'nyj zakon ot 26 aprelija 2004 № 26-FZ «O ratifikacii konvencii Organizacii Ob#edinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti i dopolnjajuvih ee protokola protiv nezakonnogo vvoza migrantov po sushe, morju i vozduhu i protokola o preduprezhdenii i presechenii torgovli ljud'mi, osobenno zhenwinami i det'mi, i nakazanii za nee» // Rossijskaja gazeta. 2004. 29 apr.

⁸ Sm.: Vlassis D. Razrabotka proekta konvencii Organizacii Ob#edinennyh Nacij protiv korrupcii // Forum po problemam prestupnosti i bezopasnosti obwestva. T. 2. № 1. N'ju-Jork, 2002. S. 171.

⁹ Sm.: Romashev Ju.S. Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s prestupnost'ju: V 2 t. M., 2006. T. 2. S. 117.

¹⁰ Sm.: Dokumenty OON. A/RES/55/61. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/563/07/PDF/N0056307.pdf?OpenElement>

¹¹ Sm.: Vlassis D. Razrabotka proekta konvencii Organizacii Ob#edinennyh Nacij protiv korrupcii. S. 174.

¹² Podrobnее sm.: Romashev Ju.S. Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s prestupnost'ju. S. 117–152.

¹³ Tam zhe. S. 49.

¹⁴ Sm.: Rossijskaja justicija. 2004. № 4. S. 15.

¹⁵ Sm.: Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 59.

¹⁶ Tam zhe. S. 60.

¹⁷ Sm.: Tam zhe. S. 62.

¹⁸ Tam zhe. S. 61.

¹⁹ Tam zhe.

²⁰ Sm.: Dokumenty OON. A/AC.261/3/Rev. <http://www.un.org/terrorism/pdfs/3/G0316422.pdf>

²¹ Sm.: Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 40.

²² Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 65.

²³ Sm.: Tam zhe.

²⁴ Sm.: Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 42.

²⁵ Sm.: Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 100.

²⁶ Sm.: Federal'nyj zakon ot 8 marta 2006 g. № 40-FZ «O ratifikacii konvencii organizacii Ob#edinennyh Nacij protiv korrupcii» // Rossijskaja gazeta. 2006. 21 marta.

²⁷ Sm.: Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 43.

²⁸ Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov. S. 100.

²⁹ Tam zhe.

³⁰ Podrobnее ob jetom sm.: Bogush G.I. Korrupcija i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s nej: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. S. 123–124.

³¹ Sm.: Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2008. № 3 (42). S. 43.